

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им
В.П. Астафьева
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Панькова Екатерина Борисовна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
Образ Сибири в творчестве В.П. Астафьева (материалы для школьного изучения)
Направление подготовки: 44.03.01 Педагогическое образование
Направленность (профиль) образовательной программы: Литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав. кафедрой мировой литературы
и методики ее преподавания,
кандидат филологических наук
Полуэктова Т.А.

_____ (дата, подпись)

Руководитель:
Доцент, кандидат филологических наук
Садырина Т.Н.

_____ (дата, подпись)

Дата защиты _____
Обучающийся: Панькова Е.Б.

_____ (дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск, 2021.

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Специфика художественного мира В.П. Астафьева и место образа Сибири в нём (литературоведческие материалы).....	6
1.1. Периодизация\эволюция. Черты поэтики творчества Астафьева.....	6
1.2. Сибирь и сибиряки.....	9
1.3. Природный мир Сибири в произведениях В.П. Астафьева, его особенности и свойства.....	13
Глава 2. Социальная проблематика, определяющая специфику образа Сибири.....	17
2.1 Возвращение к корням народной жизни в текстах В.П. Астафьева: повествование в рассказах «Последний поклон», «Царь-рыба».....	17
2.2 Сибирь как место социальных взаимодействий, образы сибиряков.....	19
2.3 Сибирь как «дом» и Сибирь как «каторга» в «Последнем поклоне».....	26
2.4 Материалы для изучения в школе.....	28
Заключение.....	33
Список источников.....	36

Введение

Творчеству Виктора Петровича Астафьева свойственны художественное своеобразие и социальная острота произведений. Оно стало значительным явлением русской литературы второй половины XX века благодаря единству с народной ментальностью, что утвердилось ещё при жизни писателя. Это подтверждается широким общественным резонансом не только в России, но и за её пределами. Книги Астафьева переведены на многие языки, благодаря его произведениям активизировался мировой интерес не только к русской литературе, но и к России в целом, её ментальности и народной культуре.

Образ Сибири является одним из главных в художественном мире Астафьева. Писатель родился в поселке Овсянка Красноярского края, это место стало одним из главных в описании сибирского топоса. Образ Сибири многогранен и включает в себя описание конкретных реалий, природы, традиционного образа жизни и характера сибиряков. Художественный мир Астафьева сложился на основе народной культуры. Под народной культурой мы понимаем устойчивый фонд религиозных, нравственных и эстетических представлений, сохраняющих аксиологические признаки, независимо от внешних изменений социума.

Реалии народной жизни переданы Астафьевым с учётом региональной специфики Сибири.

Цель данной работы — комплексный анализ образцов астафьевской прозы 60-х-90-х годов, в которой воссоздан образ Сибири.

Объектом исследования являются книги В.П. Астафьева «Последний поклон» и «Царь-рыба».

Предметом исследования является художественный образ Сибири в произведениях В.П. Астафьева.

Для данной работы, исходя из сказанного выше, следует поставить и выполнить четыре задачи:

1. Выявить автобиографические мотивы в прозе В.П. Астафьева 60-х- 90-х годов (повесть в рассказах «Последний поклон») и определить их влияние на сюжетообразующие составляющие в произведениях.
2. Обозначить место образа Сибири в творчестве В.П. Астафьева, его художественные составляющие и характеры персонажей-сибиряков (на примере произведения «Царь-рыба»).
3. Рассмотреть концептуальные параллелизмы «Сибирь-колония» и «Сибирь-дом».
4. Разработать методические материалы по изучению образа Сибири, сибирской природы и культуры.

Методологической основой работы послужили исследования П.А. и П.П. Гончаровых, Л.Г. Самотик, Н.В. Лебедевой, Т.Н. Садыриной и др.

Методы, использованные в работе: культурно-исторический и метод комплексного анализа.

Научное соотнесение личности В.П. Астафьева и его творчества позволили провести исследование, опираясь на факты его биографии и их отражение в произведениях.

Принцип объективности дал возможность рассмотреть предмет исследования с разных сторон и определить его место среди других проблем, соотносящихся с данной темой.

Региональный метод дал возможность выделить Сибирь как особенный общественно-политический регион, составить общее впечатление о его особенностях как социального и каторжного пространства.

Вышеописанный методологический инструментарий данного исследования дал возможность в полной мере обработать накопленный материал для получения результатов, объективно определить значение, характер и символику Сибири и её обитателей в произведениях В.П. Астафьева.

Актуальность темы исследования. В.П. Астафьев является одним из известнейших сибирских авторов, изучение творчества которого представляется необходимым не только в высших учебных заведениях, но и на школьных уроках литературы (в том числе региональной). Данное исследование обращает внимание на один из аспектов астафьевской прозы, которая представляет интерес для изучения как в среднем звене, так и в старших классах.

В современных условиях глобализации фиксация, изучение и сохранение культурного и регионального колорита во многом является определяющим для развития новых поколений, а его сохранение, равно как и дальнейшая передача обучающимся в школах — необходимость, стоящая перед каждым педагогом, чьим предметом является литература.

Глава 1

Специфика художественного мира В.П. Астафьева и место образа Сибири в нём (литературоведческие материалы)

1.1. Периодизация\эволюция. Черты поэтики творчества Астафьева

Сибирь — «малая» родина В.П. Астафьева. Это огромный регион, являющийся частью России и обладающий не только общерусскими чертами, но и собственной спецификой.

Художественный мир В.П. Астафьева (1924-2001) сложился на основе народной культуры, влияние которой на писателя сложно переоценить. Концепция человека в его произведениях проецируется на проблему русского национального характера, который складывается в конкретном окружении — как социальном, так и природном.

Для структуры образов произведений Астафьева имеют существенное значение пространственные и временные перемещения. Автобиографический герой в кругу потылицынского рода — это персонаж «Последнего поклона» Витька Потылицын. Автобиографический во многом персонаж, но «перемещенный» в краесветский детский дом — это уже Толя Мазов («Кража»). Автобиографический персонаж в кругу семьи в Чусовом — герой «Весёлого солдата». Персонажи военного романа «Прокляты и убиты» «собранны» Астафьевым из разных мест.

Таким образом, астафьевские произведения отражают жизнь на всём российском пространстве: кроме Сибири, местом действия является Пермский край, места, где он воевал — центр России, западая Украина, Польша и т.д.

Для самого писателя «перемещения» в пространстве и времени имеют принципиальный знаковый характер, а вовсе не являются выражением лишь «охоты к перемене мест».

В работе П.А. Гончарова даётся периодизация, согласно которой первый период (1951-1969) можно охарактеризовать как период становления жанрово-стилевой системы и кристаллизации проблематики В.П. Астафьева. На этом этапе обозначилась характеризующая во многом творчество Астафьева тенденция неприятия упрощённого подхода к важным жизненным и эстетическим проблемам.

Этот же период, его вторая часть, включает в себя такие произведения, как: «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», первая книга «Последнего поклона», первые редакции «Пастуха и пастушки». Он характеризуется осознанием собственных тематических пристрастий (автобиографичекая тема, темы природы и войны).

Все характерные для писателя жанровые формы (рассказ, роман, повесть), все темы и мотивы его творчества (природы, искусства, поисков веры, войны, деревни, власти, злодейства, сиротства) были намечены Астафьевым уже в этот период.

Рубежным между первым и вторым периодами творчества В.П. Астафьева стало издание повести «Последний поклон» (1968).

Второй период творчества В.П. Астафьева совпадает с его вологодским периодом жизни (1969-1980).

Для этого периода характерно самоотождествление Астафьева с «деревенской прозой» и в то же время — реализовавшееся стремление вычлениить в её рамках или вне их свой «голос»: внимание к семье и роду в «деревенских» главах «Последнего поклона» и «Царь-рыбы», лиризованный сказ как форма организация текста, усиление функции символических образов за счет ассоциирования их с мифологией, с фольклором, христианской культурой.

Философской основой мировидения писателя наряду с пантеистическими представлениями всё более оказываются христианские идеи греха, жертвы, искупления, воскресения.

В это время были созданы впитавшая богатую культурную и литературную традицию «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду» и «повествование в рассказах» «Царь-рыба», синтезирующая миф с жанром рассказа и повести. Для стилевой манеры В.П. Астафьева в этот период характерно повышение роли автора, автобиографического героя.

Третий период творчества Астафьева получил название красноярского, или сибирского (1980-2001). Это самый длительный и наиболее продуктивный по числу созданных произведений период.

Как и внутри первого периода, здесь необходимо членение на два более локальных временных отрезка.

Первый (1980-1988) представляет собой переходное явление продолжающегося подцензурного творчества. Литература этого времени разрабатывает темы кризиса нравственности, тональность её приобретает мрачные свойства. Астафьев находит в себе силы и возможности для мощной критики социальных и политических устоев, для национальной самокритики, выразившейся в усилении тенденции отрицания, сатирической образности в произведениях той поры.

1989-2001-й годы характеризуются ослаблением идеологического давления государства на писателей в целом. «Деревенская проза» в это время продолжает существовать, но уже не продуцирует новых интегрирующих общественное сознание и литературу идей. Большой вес и влияние в литературном процессе приобретает «возвращенная» литература (И. Бунин, А. Солженицын, В. Максимов, Г. Владимов, В. Аксенов и другие)

В этих условиях, придерживаясь традиционалистских, консервативных взглядов в оценке фактов и явлений русской истории, Астафьев, тем не менее, приветствует утверждение либеральных принципов в современном обществе и государственной жизни.

Астафьев воспринимает происходящее как события, позволяющие вернуть русской жизни ее христианские нравственные основы. В области поэтики и стилистики Астафьев эволюционирует к апокалиптической

образности, к проповедническим интонациям, но вместе с тем — к эпатирующей его прежних почитателей свободе тем и выражений, сближающих его внешне с литературным постмодернизмом, ставшим своеобразным «знамением» литературы 90-х годов.

Для Астафьева, как одного из крупнейших писателей-деревенщиков, неоспоримо важны традиции. Именно они стали своего рода духовно-нравственным ориентиром его прозы. Эта причастность проявляется не только в виде ясно осознанной ориентации на духовно-нравственные константы русской культуры, но и в стихийных, интуитивных формах.

1.2. Сибирь и сибиряки

«Сибирь исторически имела две ипостаси — отдельность и интегральность», — отмечают авторы исторического исследования «Сибирь в составе Российской империи» [Плеханова, с. 315]. Как «отдельность» Сибирь представляет собой органическое целое. Как «интегральность» Сибирь является одновременно и значительным «фрагментом реальной действительности», отношения которого с целым — Россией, миром в символическом виде воспроизводят отношения между природой, природным, органическим, с одной стороны, и человеком, цивилизацией, прогрессом, с другой стороны.

Сибирь давно уже стала объектом для изучения естественных наук, географии, истории, этнографии. Поэтому сибиреведение в настоящее время объединяет в себе целый комплекс различных отраслей знания. В общественном сознании нового и новейшего времени Сибирь — это «тоже Россия, но какая-то «иная». Сибирь манила романтической свободой, своими богатствами и одновременно пугала своей неизведанностью, каторгой и ссылкой. Она представлялась лишь залогом Российского могущества».

В культурологии и литературоведении Сибирь — главный объект так называемого «сибирского текста». Подробно характеризуя историю

литературы Сибири и историю сибиреведения, А.С.Янушкевич вынужден констатировать предельную противоречивость восприятия Сибири общественным сознанием: «Сибирь воспринималась то как гибельное место каторги и ссылки, то как земной рай, некая новая Атлантида, утопическое Беловодье. И это было объяснимо: любая односторонность в подходе к тому или иному явлению чревата пристрастностью и отсутствием диалектики» [Янушкевич, с. 344]. Нам представляется, что источник этой противоречивости находится не только в «односторонности» подходов к теме Сибири, но и в противоречивости самого предмета изображения и осмысления, противоречивости, которую не смогли вместить многие из тех, кто обращался к изображению её истории и современности, её людей и природы.

Будучи сибиряком по рождению и воспитанию, Астафьев, вероятно, считал своим долгом обратиться к теме и образу Сибири.

Творчество Астафьева стало значительным явлением русской литературы второй половины XX века вследствие определённого единства с народной ментальностью.

Проза Астафьева также выделяется особым отношением к родной природе, к реалиям сибирской жизни. Обличительный тон, свойственный ему, в моменты описания природных явлений сменяется сентиментальным, почти ласковым.

Астафьев исследовал и демонстрировал явления народного быта, влияющее на него окружение, те особенности политической обстановки и природную составляющую, которые формируют так называемый сибирский характер.

Произведения Астафьева отличаются вниманием к чертам национального характера, которые выработывались веками.

Д.С. Лихачев считал, что «нет одного национального характера, есть много характеров, особенно свойственных данной нации. Эти характеры часто противоречивы <...>; Правильнее говорить не о национальном характере

народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той или иной мере национален».

Национальный характер труден для постижения, поскольку он изменчив и многогранен.

Понятие «сибирский характер» не противопоставляется понятию «русский национальный характер», оно связано с последним как часть и целое, а потому отражает лишь своеобразие черт русского характера как явления обобщенного, проявляющегося в конкретных временных и географических пределах всегда по-разному.

Существует целый ряд работ, посвященных особенностям сибирского характера, ментальности и сибирского региона в целом. Отмечается, что «жители Енисейского региона отличались особой энергетикой, пассионарностью (по терминологии Л.Н. Гумилева). Они создавали свой мир, свой образ жизни, продвигали далее на восток и юг границы государства Российского. Даже превращение края в место ссылки различных российских смутьянов и просто разбойников не меняло его главной черты — удивительной смеси в характере сибиряков предприимчивости и авантюризма, смелости и любознательности, тяги к образованности и веротерпимости».

В.П. Астафьев, по признанию многих литературоведов [Гончаров, Сомов, Ковалёва, Садырина, Лебедева и др.], относится к тем писателям, которым удалось показать как русский национальный характер, так и особенности сибирского региона, его специфику, колорит, а также некоторые обрядовые и магические мотивы, отсылающие читателя к региональной истории.

Художественная литература даёт материал для основательного изучения национального характера, так как литературные образы отличаются конкретностью, наглядностью и многообразием проявлений. Характер здесь запечатлён в поступках, словах и мыслях конкретных героев, его региональные особенности ярко выражены.

Следует отметить, что каждый территориальный регион имеет свою ментальность, которая включает в себя представления, чувства, духовные ориентиры, а также традиционную систему восприятия окружающего мира и своих отношений, которые сформированы конкретными географическими и климатическими условиями. Кроме того, региональный характер — это конкретизация социально-психологического характера населения в условиях региона, который проявляется в особенностях менталитета, образе жизни, обычаях и традициях.

Специфика ментальности местного населения, как показывает Астафьев, формировалась поколениями, чтобы в итоге стать тем, что демонстрируется как сибирский характер — совокупность черт, свойственная жителям определённого региона.

Астафьев с особой нежностью отзывался о Сибири и активно выступал за сохранение неприкосновенности её природы, небезосновательно находя данное пространство уникальным не только в качестве природного объекта, но и как особую территорию, оказывающую больше влияние на характер проживающих на ней людей, на их мировоззрение, образ жизни и, что немаловажно, на специфику социальных взаимодействий. Всё это даёт основания полагать, что анализ художественных произведений Астафьева позволит выявить природные особенности сибирского региона, а также личностные особенности его обитателей, влияние на которые в том числе оказала и региональная природа, представленная как живое, подвижное пространство, являющееся неизменной частью повествования.

Источниками специфических свойств характера сибиряка в творчестве Астафьева являются суровые реалии места и времени обитания. Устойчивость перед экстремальными факторами окружающей среды, перед натиском цивилизации — основное свойство героев Астафьева.

1.3. Природный мир Сибири в произведениях В.П. Астафьева, его особенности и свойства

Будучи сибиряком по рождению и воспитанию, Астафьев, вероятно, считал своим долгом обратиться природному образу Сибири. Сибирь так или иначе присутствует во многих произведениях писателя. Но наиболее яркий образ её удался писателю в «Царь-рыбе».

Для В. Астафьева, и всей прозы традиционалистов-«деревенщиков», для всей русской литературы «Царь-рыба» стала произведением, в котором образ и тема Сибири приобрели совершенно оригинальные измерения и характеристики.

Образ реки. По словам Н. Л. Лейдермана, «“Река жизни” — это ёмкий образ, уходящий корнями в мифологическое сознание: у некоторых древних образ “река жизни”, как “древо жизни” у других народов, был наглядно-зримым воплощением всего устройства бытия, всех начал и концов, всего земного, небесного и подземного, то есть целой “космографией”». [Лейдерман, с. 121]

В тексте «Царь-рыбы» одно из определений Енисея — Енисей-батюшко. Астафьев возвращает читателя к космогоническим первоначалам, единству всего сущего. К мифологии также обращён и символический образ самой царь-рыбы, эта изначальная, мифологическая природа подчёркнута в тексте: «Что-то редкостное, первобытное было не только в величии рыбы, но и в формах ее тела... на доисторического ящера походила рыбина». [Астафьев, с. 212] Рыба занимала важное место в мифопоэтическом сознании.

Глава «Царь-рыба» является сюжетно-композиционным центром всего произведения. Необходимо отметить, что смысловое наполнение центрального образа царь-рыбы сближает его с универсально-мифологическим значением символа всей природы, первоосновы человека.

Тайга. «Закон тайги». Астафьевым показано несколько моментов смертельной схватки в «Царь-рыбе»: с рыбой борются Игнатич и Грохотало,

с медведем и «руссагой» (росомахой) Аким и т. д., и везде при этом победителем остается человек. Но нарушающего «таёжный закон» настигнет возмездие. Гибнет в тайге Герцев. Закон тайги является основой жизни местного населения, его нарушение чревато последствиями.

Сибирь в сложившейся традиции являет собой «воплощение природного начала, среда обитания «естественного человека». [Митрофанова, с. 21]

Закон тайги — «неписанный закон». [Астафьев, с. 254] Он передаётся от поколения к поколению, из уст в уста. Таёжный закон — региональное ментальное понятие.

Экологическая проблематика. Сам Астафьев писал уже в 1990-е годы в комментариях именно к «Царь-рыбе»: «Я даже намеревался написать что-нибудь подобное — по следам книги "Царь-рыба", но как переселился в Сибирь, да как немножко, с краю, можно сказать, коснулся этих "следов", то и понял, что с ума спячу иль умру досрочно, если возьмусь «отражать» то, что произошло и происходит в Сибири и с Сибирью. Как ее милую и могучую, измордовали, поувечили, изнахратили и изнасиловали доблестные строители коммунизма. Пусть придут другие радетели слова и отразят "деяния" свои и наши, постигнут смысл трагедии человечества, в том числе и поведают о сокрушении Сибири, покорении ее отнюдь не Ермаком, а гремящим, бездумным прогрессом, толкающим и толкающим впереди себя грозное, все истребляющее оружие, ради которого сожжена, расплавлена, в отвалы свезена уже большая часть земного наследства, доставшегося нам для жизни от предков наших и завещанных нам Богом. Они, богатства земные, даны нам не для слепого продвижения к гибельному краю, а к торжеству разума. Мы живем уже в долг, ограбляя наших детей, и тяжкая доля у них впереди, куда более тяжкая, чем наша». [Астафьев, с. 24]

Человек и природа Сибири. Повествование в рассказах «Царь-рыба» наряду с проблемой существования человека среди людей делает главной темой произведения проблему места человека в природном космосе. Художественное пространство здесь природно-космическое, сохраняющее

свои архаические, мифологические черты, оно будит в человеке архетипические чувства страха и преклонения перед природой, заставляет его самоопределиться, пересмотреть свои воззрения на мир.

В рассказе «Капля» (одной из глав повести «Царь-рыба») повествователь из искалеченных «прогрессом» мест попадает в мир девственной природы. Там, при виде готовой упасть и обрушиться гармонию мироздания капли — символа хрупкости, красоты и величия природы, герой размышляет: «Нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались». [Астафьев, с. 244]

Рыба (в том числе и царственного обличья), браконьеры, тайга, даже люди оказываются в этой публицистически острой и значимой тираде Астафьева объектами частными в сравнении с Сибирью, представляющей в качестве одного из последних природных бастионов на гибельном, с точки зрения В.Астафьева, пути научно-технического и социального прогресса.

Астафьев так объясняет происшедшее на его глазах: «Происходило неслыханное и невиданное в мире отчуждение людей от родной земли, от отеческого угла. Оседлое крестьянство поголовно превращалось в городское скопище, в людское стадо, в пролетарья, которому ничего уже не жалко: ни земли, ни себя, ни родителей, ни детей своих, ни соседей, ни друзей, ни настоящего, ни будущего родной планеты». [Астафьев, с. 120]

Выводы. Природа — один из ключевых векторов творчества многих писателей. Часто она определяет систему авторского представлений о реальности, наряду с человеческим и социальным векторами.

В произведениях Астафьева природный мир выстраивается не рационально-логически, а образно. Астафьевская природа живая, динамичная, она обладает характером, индивидуальностью. Автор относится к ней с особым трепетом, природа Сибири в его прозе — одна из наиболее важных

составляющих. Резкий тон повествования сменяется мягким, сентиментальным именно в моменты описания природных явлений.

Глава 2

Социальная проблематика, определяющая специфику образа Сибири

2.1 Возвращение к корням народной жизни в текстах В.П. Астафьева: повествование в рассказах «Последний поклон», «Царь-рыба»

«Последний поклон», наряду с развитием темы детства, традиционной для русской литературы, ищет основу так называемого нравственного «самостоянья человека» там, где это было характерно для литературы 70-х годов — в возвращении к корням народной жизни. Таким образом оно вписывается в общий литературный поток.

Книга отражает авторское желание восстановить естественное течение жизни, утраченную целостность бытия, чтобы тем самым обрести душевный покой.

Она, по словам самого Астафьева, состоит из «светлых детских воспоминаний» и «несколько умильна» по своей сути. Поскольку «Последний поклон» писался в течение длительного периода времени (1960-е-1991 год) и был завершён уже в зрелом возрасте, можно предположить, что Сибирь представляется автору как благодатная, плодородная, благословенная земля в том числе потому, что он вспоминает собственное детство и молодость, которые, как правило, остаются в памяти человека в качестве светлых воспоминаний. О таком отношении к Сибири можно судить по некоторым отрывкам текста:

«Я много раз, с разных мест смотрел туда, где сливаются Енисей и Мана, стараясь преодолеть взглядом или хотя бы мысленно молчаливую, конца не имеющую даль, и всегда мне казалось, да и сейчас кажется, что там, за той далью, находится неведомая мне, чудесная страна, в которой, я знаю теперь, мне никогда не бывать, но которая так всегда манила и манит, что я иной раз

путаю явь со сном, потому что неведомая страна с детства обворожила меня, вечный ее зов бродит в моей крови, тревожит сердце, тело, и пока я жив, пока работает память, тоска по этой не достигнутой мною стране - каждодневно, каждоминутно будет со мной». [Астафьев, с. 220]

В первой книге «Последнего поклона» астафьевская Сибирь представляется волшебной страной детства, нереальным пространством, которое недостижимо. Но очарованием этой дали окутано всё повествование писателя. И если принять во внимание, что «психика человека настраивается таким образом, чтобы структурно совпадать <...>; со структурой пространственно-временного континуума» [Аникина, с. 69], то правильным будет предположить, что сознание сибиряка подстраивается под сибирскую местность и вбирает в себя все противоречия и мифы, которые касаются этой области.

Тема душевного покоя и его отсутствия привлекают самое пристальное внимание Астафьева, становясь предметом наиболее болезненных размышлений во второй и третьей книгах.

Также возникает проблематика национального характера и его сибирская составляющая, которые постоянно волновали В.П. Астафьева. В изображении сибиряка как спасителя России у Астафьева преобладает трагическая интонация, обусловленная ретроспективным планом повествования: он подтверждает, что времена таких героев уходят. Взросление в произведениях Астафьева связано с мотивом забвения: человек не помнит собственных истоков, оказывается погружённым в мир материального.

Через всё творчество Астафьева проходит мотив «река — спаситель-погубитель». Енисей «забрал» у автобиографического героя «Царь-рыбы» и «Последнего поклона» мать, играя в данных ситуациях роль «погубителя». Однако он же несёт людям пропитание и красоту, выступая таким образом и в роли «кормильца» тоже. Он может казнить и миловать, в этом проявляется его

сакральная, почти божественная функция, которая особенно ярко проявляется в «Царь-рыбе».

Эта же функция связана и с самим образом царь-рыбы, которая по символическому наполнению может быть соотнесена с образом терпящей бедствие, но при этом не теряющей величия сибирской тайги.

Образ царь-рыбы приобретает и трагическое звучание, которое связано с судьбой Акима: Царь-рыба уходит в тёмную глубь Енисея, пронзённая крючками. Аким оказывается обречённым на насмешки, пренебрежение и презрение за добро.

2.2 Сибирь как место социальных взаимодействий, образы сибиряков

Сам Астафьев говорил, что у него «возникло желание рассказать о «моей» Сибири», в результате чего возникла широкая панорама жизни народа, населённая множеством персонажей.

Сибирь — место для разнообразных социальных взаимодействий, столкновений персонажей друг с другом. Это место «живых» человеческих отношений, поддерживаемых самой природой региона. Соприкосновение с таинственной природой Сибири меняет героев.

А. Макаров писал: «Думаю, что никто из писателей его поколения не обладает такой склонностью, как Астафьев, и такой способностью к тщательному, беспощадно-любовному анализу внутреннего мира человека, перед которым жизнь непременно ставит один вопрос за другим». [Макаров, с. 155]

Социальность Астафьева сочетается с мифологизацией природного и социального пространства, что объясняется утверждением онтологических основ социальных законов: они отличны от природных законов, коренятся на разном мироустройстве.

Широкие возможности для анализа сибирского национального характера дает произведение В.П. Астафьева «Царь-рыба», в котором представлены основные герои произведения.

В центре «Царь-рыбы» стоит проблема жизни и выживания не только отдельных людей, но и всего человечества в целом, гибель земли, изображение кризисного состояния деревни и человека крестьянского труда. Испытание человека природой, а природы человеком — центральная тема повествования в рассказах «Царь-рыба».

«Природа в «Царь-рыбе» из сферы социально-философских раздумий, лирико-символических зарисовок (некоего «фона») переходит в самую архитектонику повествования, в его эстетику и стилистику, определяя суть человеческих характеров». [Гончаров] Персонажи Астафьева, таким образом, контрастны.

В иерархии общечеловеческих ценностей открытость для Астафьева является одной из высших.

В «Царь-рыбе» присутствует проходящий через всё произведение мотив распрямления и вместе с тем — умягчения человека. Персонажа вдруг отпускает сковывавшая ранее напряжённость, душа смягчается, открывается навстречу другому человеку или окружающему миру. Именно в этом состоянии чаще всего между персонажами возникают приязнь или доверие, а также усиливается чувство причастности к природе или человеческому сообществу.

Таким людям, как, например, бакенщик Павел Егорович, по наблюдению Астафьева, свойственны внутренняя свобода, душевная мягкость, в отличие от тех людей, главным мотивом которых стало самоутверждение. Павел Егорович как бы изначально распрямлён, потому что не стремится брать у жизни, но, напротив, готов отдать всё своё, «вплоть до сердца». Потому-то, по мысли Астафьева, и «душевно легка, до зависти свободна жизнь таких людей».

Главным персонажем «Царь-рыбы» является Аким. Он действует в большинстве глав-рассказов, а во второй части выступает в качестве главного действующего лица, выражающего авторские представления о близком Астафьеву человеческом типе. Других сквозных персонажей (помимо автобиографического героя) в повествовании нет. Благодаря ему «Царь-рыба» тяготеет по жанру повести в рассказах.

В шести из тринадцати глав повести Аким присутствует в качестве действующего лица, в трех главах («Уха на Богани-де», «Поминки», «Сон о белых горах») Аким оказывается одним из главных героев. Так Астафьев вольно или невольно подчеркивает значимость этого характера.

Образ Акима далёк от идеала, однако создание идеального образа никогда не являлось для Астафьева целью. В Акиме он отмечает ослабленное волевое начало, внешнюю непривлекательность и общую заурядность.

Аким — бездомный, бессемейный, он растерял многочисленных братьев и сестер «касышек». Это уроженец низовьев Енисея, «сельдюк узкопятый». Его иногда именуют и «Акима», связывая таким способом персонажа с коренными обитателями, воспроизводя и пародируя эту характерную деталь речи нерусского населения Сибири.

В Акиме нет свойств романтической исключительности. Его одиночество и бездомность могли бы выглядеть в качестве таких свойств, но Астафьев дает им совершенно не романтическое объяснение: любит выпить, излишне легкомыслен.

Аким — сибиряк, соединивший в себе русскую и аборигенную кровь: «У матери мать была долганка, отец русский». Он вобрал в себя представления Астафьева о сильных и уязвимых свойствах сибиряка и — шире — русского человека 60-70-х гг. XX в.

Рыбацкая артель, причудливым образом совмещающая в себе свойства традиционной русской деревни (общинное, мирское начало), патриархальной семьи и нового, советского социального устройства (структура колхозной бригады), стала отправной точкой формирования этических устоев Акима.

Эти устои во многом укрепились с помощью авторитета Парамона Парамоновича Олсуфьева — гордого и человеческого капитана енисейского буксира, на котором Акиму довелось работать.

Благодаря этому влиянию в нём жива традиционная национальная этика, восходящая к русскому фольклору.

Только он способен постоять за оскорбленного инвалида войны Кирягу-деревягу, вернуть родителям заблудившуюся в жизни и неприветливой сибирской тайге девушку Элю, сотворить традиционные поминки по безродному Петруне.

Вопреки популярным в общественном сознании стереотипам представлений о сибиряке («Там люди редки без клейма, живут там только варнаки»), Аким не имеет уголовного прошлого. Более того: в главе «Поминки» высмеивается даже мысль о возможности участия Акима в преступлении. Пародийная фигура ретивого местного детектива, заподозрившего Акима в убийстве, соотносится здесь не только с детективным жанром, но и со штампами восприятия Сибири.

Бесстрашие Акима, смелость, мужество могут быть направлены на спасение людей, на зверя, но не против человека. Даже с Гогой Герцевым он готов «стреляться» лишь в ответ на вызов этого «свободного» от морали человека. Астафьев избавляет симпатичного ему персонажа от данного слова: Герцев гибнет сам. Однако плачевные результаты деятельности Гоги (униженный инвалид, погибающая подруга) приходится исправлять Акиму — только он способен на это.

С фигурой Акима противоречивая проблема отношений человека и природы может быть соотнесена весьма условно. Поэтому в повествовании значительную роль играет именно автобиографический герой-повествователь. Он не только рассказывает о событиях, но и принимает в них непосредственное участие, выражает чувства по поводу происходящего, размышляет.

Вместе с тем в Акиме можно увидеть и такие свойства, с которыми связывается мысль о негативных процессах в эволюции национального характера. Герой, порожденный стихией артели, воспитанный в труде и доброте, но лишенный в ряде случаев волевого и разумного начала, вероятно, не вполне удовлетворял автора.

Неоднозначность образа Акима может иметь и иное объяснение. «Царь-рыба» обращена, прежде всего, к экологической проблематике. Заострение «слабости» героя являлось одновременно подчеркиванием остроты экологических проблем — некому, выходит, постоять за разоряемую и уничтожаемую Сибирь.

Астафьев намеренно снижает в нём черты «высокого» героя: Акиму свойственны такие черты, как наивность и расточительность. Однако он является единственным персонажем, который выдержал поединок с медведем-людоедом. Он один открыто противостоит антигерою астафьевской прозы — Гоге Герцеву.

Несоответствие между социальным положением, внешностью персонажа, восприятием его окружающими и его духовностью издавна составляло основу интриги произведений русской литературы от Н. М. Карамзина до Ф. М. Достоевского

Астафьев показал беззащитность добра перед агрессивным, напористым, приобретшим черты привлекательности (Гога Герцев) злом.

Астафьеву середины 1970-х близок герой, возвращённый на началах и принципах, которые восходят к деревенскому «ладу», в борьбе и единении с природой Сибири.

В сюжете «Царь-рыбы» звучит явная ирония автора по отношению к романтическим искателям «туманов» и «запахов тайги». Здесь очевидна полемика В. Астафьева не столько с литературой, романтизирующей и поэтизирующей Сибирь, сколько с массовым сознанием того времени.

Олицетворение и массового сознания, и этих «туманов» — беспечная и доверчивая москвичка Эля, ищущая в сибирской тайге экспедицию своего

отца-эпидемиолога. Притчевость как свойство стиля и жанра «Царь-рыбы» обязывает автора продемонстрировать последствия легкомысленного отношения к Сибири, к Северу, к тайге.

Романтическое (в бытовом смысле) начало присутствует уже в имени героини — оно далеко от обычных русских предпочтений: Эля, Элеонора. Романтическое (в эстетическом плане) заложено в натуре Эли: порывистость эмоций и чувств, безрассудство поступков позволяют ей за время стоянки теплохода сблизиться с незнакомым ей Гогой, доверить ему свою судьбу. Романтическое чувство Эли, столкнувшись с гедонизмом, индивидуализмом и женолюбием «свободного человека», неизбежно, по Астафьеву, обречено на гибель. Своеобразным «врачом», буквально исцеляющим Элю от наваждения «туманов» и «запахов тайги», оказывается и суровая сибирская тайга, и, не в меньшей мере, приземленный, лишенный претензий выгледеть и казаться романтическим героем Аким.

Особой неоднозначностью «светлого» и «тёмного» начал является астафьевский Игнатич. Он вспоминает об оскорбленной им однажды женщине, и царь-рыба представляется ему мстящей за это. Раскаяние Игнатича перед царь-рыбой, олицетворяющей природу, перед оскорбленной в юности женщиной, перед родителями и детьми «за весь грех людской» как бы предсказано героями Достоевского: «Возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской».

Игнатич, как уважительно называли земляки, «езде и всюду обходился своими силами, но был родом здешний - сибиряк и природой самой приручен почитать "опчество", считаться с ним, не раздражать его» [Астафьев, с. 175].

Этот рассудительный, уважающий и себя, и других людей персонаж был полной противоположностью своему младшему брату по прозвищу Командор, который был жаден и завистлив. «Работал он наладчиком пил и станков на местной пилораме, однако все люди подряд, что на производстве, что в поселке, единодушно именовали его механиком». [Астафьев, с. 175]

Он значительно отличался от других рыбаков: «...Если летом, едет в бежевой рубашке, в багажнике у него фартук прорезиненный и рукавицы-верхонки. Осенью в телогрейке рыбачит Игнатъич и в плаще, не изожженном от костров, не изляпанном, - он не будет о свою одежду руки вытирать, для этого старая тряпица имеется, и не обгорит он по пьянке у огня, потому что пьет с умом, и лицо у Игнатъича цветущее, с постоянным румянцем на круто выступающих подглазьях и чуть впалых щеках. Стрижен Игнатъич под бокс, коротко и ладно. Руки у него без трещин и царапин, хоть и с режущими инструментами дело имеет, на руках и переносице редкие пятнышки уже отлинявших веснушек». [Астафьев, с. 176]

Внезапно возникшая ситуация, жестоко поставившая Зиновия Игнатъича между жизнью и смертью, заставила его задуматься о нравственности некоторых его поступков в прошлом, вспомнить мудрые заветы покойного деда. А дедушка Утробина, «вечный рыбак», говорил внуку среди прочих рыбацких заветов и то, что если на душе есть какой-то грех, нехорошее дело, то царь-рыбу нужно обязательно отпустить.

В «Царь-рыбе» Астафьев воссоздаёт и показывает характер сибиряка как особой, сложившейся в исключительных этно-географических социальных и исторических обстоятельствах, модификации русского характера. Сибиряк в изображении Астафьева сохранил традиционные черты национального характера. Ему свойственны стоицизм и нравственная стойкость, близость к природе Сибири, извечная привязанность к земле.

Идеи «Царь-рыбы» получили развитие в более поздних произведениях Астафьева. В опубликованных в 80-90-е гг. главах «Последнего поклона» («Пеструха», «Забубённая головушка»).

Также показаны два «полюса» сибирского характера. Если на условно «светлом» полюсе находится Аким, Павел Егорович и другие, то на «тёмном» — «угрюмый и потаенный сброд» поселка Чуш, превратившиеся в браконьеров бывшие крестьяне Утробины, «бросовой человечешко» Дамка, «клейменный» прозвищем «бандеровец» рыбак Грохотало, заброшенные в

тундру трое охотников-промысловиков, ищущий приключений и жаждущий самоутверждения Гога Герцев, политзаключенный по кличке Хромой, беглые уголовники, автобиографический герой, многие эпизодические и безымянные персонажи. Из них в том числе складывается собирательный образ обитателей Сибири.

Об этой особенности творчества Астафьева говорит К. Азадовский: «Он почти не резонирует, он негодует или обличает, скорбит или содрогается» [Азадовский, с. 4]. Эти характеристики, отмечающие поляризацию художественной системы В. Астафьева, описывают бинарную систему мировосприятия автора.

«Царь-рыба» представляет собой универсальную форму знания о человеке и мире, где трагические размышления о сибирском характере и русской судьбе играют важную роль.

2.3 Сибирь как «дом» и Сибирь как «каторга» в «Последнем поклоне»

Представление о Сибири как о месте ссылки является одним из ключевых. Это также и место страданий, наказания. Данный аспект включён в повествование «Последнего поклона», он выступает как часть сибирского быта, необходимость в силу особенности сибирских погодных условий, которые позволяли использовать это место для наказания.

О данном аспекте сам Астафьев рассказывает о каторге довольно обыденно. Например, о ссылке поляков в Сибирь рассказывает внуку бабушка Катерина:

«...в земле этой далекой взбунтовались люди против русского царя, и их к нам, в Сибирь, сослали».

Иногда Сибирь, впрочем, как и вся Россия, видится Астафьеву одним большим кладбищем:

«Ездят по сибирской земле литовцы, латыши, эстонцы, выкапывают из могил родных, погубленных в чудовищных ссылках, и увозят их останки на

родину. А куда свозить нам, россиянам, прах наших мучеников, коли вся Россия — кладбище?»

Существенным является также и то, что в глазах местных жителей Сибирь приобретает семантику семейного гнезда, это территория дома и свободы, что подтверждается выражением, которое сказал муж дочери представителя советской власти Болтухина, о не столь отдалённых местах, которое на свой лад переделал автор:

«...прибывшим из мест, от Сибири совсем не отдаленных».

Из этих слов следует, что ссыльные находятся где-то рядом, но не в самой Сибири. Это указывает на некоторую обособленность местных жителей не только от самих каторжан, но и от происходящих изменений, которые и повлекли за собой использование Сибири как пространства для репрессий.

Интересным представляется также и мнение Катерины Петровны о ссыльных, которое говорит о том, что местные жители не идентифицируют себя с каторжными, они обособлены друг от друга. Ссыльные для местных жителей остаются чужими людьми, во взаимодействии с которыми действуют особые правила:

«Кринку ту, совсем почти целую, ссыльные так и не вернули. Ну да какой с них спрос — ссыльные и есть ссыльные — варначье да чернолапотники».

Несмотря на некоторое непринятие каторжан местными жителями, их присутствие остаётся частью быта села:

«Сидевших в тюрьме, ссыльных, пересыльных, бродяг и каторжанцев, всякого разного люду с запуганной биографией доволна водилось в нашем селе».

В ходу такие выражения, как «каторжная морда», «каторжанец». Это также обусловлено особенностями быта, сниженная лексика является следствием близости мест лишения свободы. Об этом также говорит и осведомлённость местных жителей в уголовно-процессуальном кодексе: «Кто

ж выдержит разговор про пятьдесят восьмую статью - народ в Сибири насчет этих статей шибко просвещенный».

Пространство жизни вольных сибиряков, тем не менее, чётко отделено от «каторжной истории» сибирских мест — это авторское непринятие данного явления, носящее политический подтекст: здесь снова проявляется мотив гибельности социального жизнеустройства.

2.4 Материалы для изучения в школе

Региональная сторона творчества В.П. Астафьева является интересным объектом для изучения в школах на уроках литературы.

При анализе текстов рекомендуется обратить пристальное внимание на место образа Сибири в творчестве Астафьева. В среднем звене школы предпочтение рекомендуется отдавать природному миру, который полно представлен в «Царь-рыбе», в старшем — предпочтение отдаётся описаниям народной жизни, которыми изобилует «Последний поклон».

В изучении прозы В.П. Астафьева в среднем школьном звене важную роль играет этап художественного восприятия. Для улучшения качества понимания прочитанного мы рекомендуем привлечение элементов изобразительного искусства.

Ученикам предлагается отрывок с описанием сибирского пейзажа: тайги, Енисея. Возможно привлечение элементов сопоставительного анализа, использование двух по-разному эмоционально окрашенных отрывков, а также привлечение записей с актёрским чтением. Ключевым на данном этапе является выразительное чтение вслух.

За выразительным чтением следует обсуждение, в ходе которого поднимаются следующие вопросы: что делает текст сибирским? Какие элементы регионального колорита можно выделить? И так далее.

После обсуждения ученикам предлагается нарисовать возникший в сознании образ Сибири, отобразить основные особенности региона, проработать образ Енисея.

Рисование можно предложить в качестве домашнего задания или же для внеурочной деятельности с обязательным последующим обсуждением изображённого.

В качестве сопроводительного иллюстративного материала можно также использовать классические картины. Например: В. Пророк «Тайга», А. Васнецов «Сибирь», А. Павленкович «Енисей», В. Стволлов «Пейзаж. Лодки. Река».

Возможен также сопоставительный анализ использованных картин. Ученикам предлагается ряд проблемных вопросов: какая из картин лучше отражает ваше представление о Енисее? Почему? Каких элементов сибирского пейзажа не хватает картинам для того, чтобы казаться в полной мере «сибирскими»? И так далее.

Для проведения такого анализа требуется выбрать эмоционально-окрашенные картины, отражающие различные настроения, написанные в разных техниках, в различных цветовых гаммах.

Важными являются следующие этапы формирования читательских умений:

- обогащение учащихся теоретико-литературными, историко-литературными знаниями методологического характера, ориентирование читателей в особенностях культуры той эпохи, в условиях которой создавалось произведение;
- чтение литературного произведения, обогащение читателя художественными впечатлениями, первичное восприятие текста;

- вычленение структурных элементов произведения, в том числе архетипических мотивов и образов, проникновение в смысл и значение его внутренних связей;
- постижение функциональной роли каждого элемента, входящего в структуру художественного произведения;
- обретение целостного взгляда на художественное произведение путем обобщения результатов, полученных на предшествующих этапах анализа.

Проза В.П. Астафьева содержит в себе богатый нравственный потенциал. Знакомство с его личностью и творчеством способствует формированию духовных качеств школьников, их общекультурного уровня.

На данный момент остро стоит проблема формирования национального самосознания. Перед современной школой стоит ответственная задача: формирование духовно развитой личности, способной легко адаптироваться к изменяющемуся социокультурному пространству.

Произведения В.П. Астафьева насыщены нравственными, социальными и философскими проблемами.

Судьба В.П. Астафьева впитала в себя трагедии, драмы, фарсы и этой эпохи, и русского трагического XX столетия в целом. События родовой, семейной и личной жизни тоже, вероятно, были предельно значимы для литературной работы писателя.

Изучение особенностей прозы В.П. Астафьева и места Сибири в ней будет способствовать самоактуализации личности учащихся, их саморазвитию, проявлению потенциальных возможностей, а также развитию регионального самосознания, если:

- при анализе произведений особое внимание уделять роли Сибири в них, влиянию региональной природы на персонажей, поэтике,

основанной на художественно мотивированном обращении писателя к региональным традициям;

- систематически на уроках, на занятиях элективного курса, во внеклассной работе предлагать учащимся задания, связанные с выяснением роли разнообразных культурно-исторических реалий в художественном тексте (народных традиций, обычаев, образов «естественного человека»), что позволяет увидеть взаимосвязи и закономерности культурной жизни разных эпох, осуществлять механизм передачи норм поведения, культурных и духовных ценностей от одного поколения к другому;
- методика анализа основана на сочетании различных форм организации деятельности (заочная экскурсия, микроанализ художественного текста, эвристическая беседа, самостоятельный поиск информации в Интернете, в справочной литературе, обмен впечатлениями о прочитанном, инсценирование произведений В.П. Астафьева, выпуск Интернет-журнала и др.).

Анализ исследований творчества В.П. Астафьева, представленных в отечественном литературоведении, позволяет выделить особенности поэтики прозы писателя, которые могут служить фундаментом школьного изучения: автобиографизм, влияние региональных особенностей на формирование характеров персонажей, сибирские мотивы, их полярность, уважительное отношение к природе Сибири.

Внедрение в процессе изучения прозы В.П. Астафьева на уроках новых теоретико-литературных понятий (автор, способы выражения авторской позиции, точка зрения, пространственно-временная организация художественного текста, региональный характер, способы актуализации регионального характера в художественном произведении и др.) совершенствует навыки анализа эпического произведения, расширяет знания

о природе искусства слова, обеспечивает понимание своеобразия мироощущения писателя, помогает формированию вдумчивого читателя.

Одним из эффективных путей изучения прозы В.П. Астафьева с точки зрения особенностей поэтики является объединение различных форм классных и внеклассных занятий, направленных на формирование способностей учащихся к самостоятельному постижению смысла художественного произведения

Использование продуктивных форм и приемов работы с художественным текстом (выявление способов выражения позиции автора, разноуровневые сопоставления, приём медленного чтения, выявление мифопоэтического подтекста в созданных автором образах, выяснение роли разнообразных культурно-исторических реалий в тексте, анализ предметной детализации и др.) усиливает познавательную и творческую деятельность, развивает читательский интерес, способствует саморазвитию, самоактуализации личности школьников.

Заключение

Одним из важнейших смысловых векторов творчества В.П. Астафьева является образ Сибири, отражённый полярно, многоаспектно.

Образ Сибири в творчестве Астафьева является сквозным, связанным со всеми основными темами и мотивами, а также с социальной и нравственной проблематикой.

Эмоциональная связь Астафьева с родной, сибирской природой, а также специфика его переживания реальности социального существования, определяют эстетическое восприятие природы автором.

На основе изучения научных источников и художественного мира Астафьева можно сделать следующие выводы. Образ Сибири в творчестве писателя является сквозным, связанным со всеми основными темами и мотивами, а также с социальной и нравственной проблематикой.

Не имея возможности найти ответы на вопросы, которые жизнь ставит перед каждым человеком, Астафьев был вынужден обратиться к собственным истокам. Автобиографизм — доминирующая черта его поэтики.

Природа — один из ключевых векторов творчества многих писателей. Часто она определяет систему авторского представления о реальности, наряду с человеческим и социальным векторами.

В произведениях Астафьева природный мир выстраивается не рационально-логически, а образно. Астафьевская природа живая, динамичная, она обладает характером, индивидуальностью. Автор относится к ней с особым трепетом, природа Сибири в его прозе — одна из наиболее важных составляющих. Резкий тон повествования сменяется мягким, сентиментальным именно в моменты описания природных явлений.

Астафьевская природа — живая система образов, к её осмыслению автор подходит как художник. Эта система бинарна, в ней есть место как для «светлых» начал в человеке, так и для «тёмных». Картина природного мира

формируется, как правило, на основе непосредственного опыта и чувственно-эмоционального восприятия.

Природа у Астафьева — гармонически организованное пространство, оно самобытно и имеет связь с изначальным, так называемым «естественным человеком».

Источниками специфических свойств характера сибиряка в творчестве Астафьева являются суровые реалии места и времени обитания. Устойчивость перед экстремальными факторами окружающей среды, перед натиском цивилизации — основное свойство героев Астафьева.

В сознании автора Сибирь как колония и Сибирь как дом часто недифференцированы — напротив, они переплетены друг с другом и образуют единое пространство, в котором местные жители соседствуют со ссыльными и отзываются о них без особого интереса. Каторга воспринимается как должное.

Возвращаясь к детским воспоминаниям, Астафьев не позволяет Сибири-каторге проникнуть в пространство Сибири-дома. Мир каторжного пространства существует отдельно от мира семейного гнезда. Вместе с тем, каторжная Сибирь постепенно вытесняет собой дом, увеличивая разрыв между детскими воспоминаниями и каторжным пространством.

Автобиографические начала в прозе В.П. Астафьева 60-х-90-х годов позволили автору показать истоки кризисного, разорванного сознания человека тех лет, перед которым стоит множество проблем, в числе которых и также и значительно усложнившиеся отношения с природой.

В центре «Царь-рыбы» стоит проблема жизни и выживания не только отдельных людей, но и всего человечества в целом, гибель земли, изображение кризисного состояния деревни и человека крестьянского труда. Испытание человека природой, а природы человеком — центральная тема повествования в рассказах «Царь-рыба».

Для улучшения качества художественного восприятия произведений Астафьева на уроках литературы в школе рекомендовано привлечение

элементов изобразительного искусства. Обозначенный подход способствует формированию регионального самосознания, а также лучшему пониманию образа и места Сибири в творчестве автора.

Список источников

1. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 1, 2. — Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. — 464 с.
2. Астафьев, В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 3. — Красноярск: ПИК «Офсет». — 1997. — 384 с.
3. Авдохина, Т.В. Черты автобиографизма в прозе В.П. Астафьева / Т.В. Авдохина // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. — 2009.
4. Аникина, Г.Б. Особенности психологического анализа в повести В.Астафьева «Последний поклон» // Литература Дальнего Востока и проблемы реализма. -Хабаровск: Хабар.ГПИ, 1976. С. 68-76.
5. Ануфриев, А.Е. Роль и особенности рассказов в повествовании Астафьева «Царь-рыба» // Жанр рассказа в русской и советской литературе Киров: Кировский гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. — 1983. — С.122-138.
6. Большакова, А.Ю. Нация и менталитет: Феномен «деревенской прозы» XX века / А.Ю. Большакова. М.: Комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства Москвы, 2000. — 132 с.
7. Букаты, Е.М. Поэтика художественного пространства в прозе В.П.Астафьева («Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты») Дисс. канд. филол. наук. 10.01.01./Е.М. Букаты. Томск, 2002. — 197 с.
8. Вахитова, Т. М. Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба»/Т.М. Вахитова. М.: Высш. шк., 1988. — 71 с.
9. Гончаров, П.А. «Природный человек» в русской прозе XX века. Коллективная монография / П.А. Гончаров, П.П. Гончаров, А.А.

- Земляковская, Н.В. Кудрявкина, С.В. Хохлова. Тамбов: Полиграфиздат, 2005. — 204 с.
10. Гончаров, П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990-х годов: Монография / П.А.Гончаров. — М.: Высшая школа, 2003. — 386 с.
 11. Гончаров, П.П. "Царь-рыба" В.П. Астафьева: жанровая и композиционная функция образа Сибири: дис. П.П. Гончаров, кандидат филологических наук: 10.01.01. — Мичуринский государственный педагогический университет, Тамбов, 2007. — 25 с.
 12. Зубков, В. А. Последняя проза Виктора Астафьева / В. А. Зубков // Астафьевские чтения (Пермь, 17 — 18 мая 2003 г.). — Пермь, 2004. — Вып. 2. — С. 18 — 19.
 13. Зубков, В. А. Поздний Астафьев: движение жанра / В. А. Зубков // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Пермь, 2 — 4 марта 2005 г.). — Пермь, 2005. — Ч. 1. — С. 172 — 176.
 14. Зубков, В. А. Прощание: народная Россия в позднем творчестве В. П. Астафьева / В. А. Зубков // Астафьевские чтения. Современный мир и крестьянская Россия (Пермь, 19 — 21 мая 2005 г.). — Пермь: Курсив, 2005. — Вып. 3. — С. 131 — 137.
 15. Каминский, П.П. Природа в публицистических очерках Виктора Астафьева 1960-1990-х гг. / П.П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2014. — № 1. — С. 150-158.
 16. Ковалёва, А.М., Лебедева, Н.В., Ревенко, И.В., Садырина, Т.Н., Самотик, Л.Г. Рецепция произведения В.П. Астафьева в школе: от регионального к национальному // Творчество В.П. Астафьева как воплощение национального и регионального самосознания. — Красноярск, 2016. — с. 313.

17. Кузина, А.Н. В. Астафьев, В. Распутин: художественное осмысление нравственно-философских проблем современности. // Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1994. — 20с.
18. Кузьменко, Р.Г. «Царь-рыба» В.Астафьева в контексте лирической прозы 50-70-х годов. Дисс. канд. филол. наук. 10.01.02. / Р.Г. Кузьменко. — Харьков, 1989. — 220 с.
19. Куранова, Т. Культурная панорама Красноярского края / Куранова Т., Скороход В., Варик Ф. // Христианство и литература: учебно-методическое пособие. Выпуск 4 / отв. ред. Н.В. Уминова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. — Красноярск, 2019. — с. 105-118.
20. Лапченко, А.Ф. Человек и природа в творчестве В.Астафьева // Лапченко А.Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х годов: (В.Распутин, В.Астафьев, С.Залыгин). Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - С.45-87.
21. Лебедева, Н.В. Аспекты изучения творчества В.П. Астафьева в школе (к постановке проблемы) / Н.В. Лебедева // Феномен В.П. Астафьева как регионально-национальное самосознание эпохи: Международная конференция. — Красноярск, 2017. — 280 с.
22. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. — М.: Изд. центр «Академия», 2003. - Т. 2.
23. Лихачёв, Д.С. Национальное единообразие и национальное разнообразие / Д.С. Лихачёв // Русская литература. — 1968. — № 1. — С. 137.
24. Лихачёв, Д.С. Поэтика художественного пространства // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1987. — Т.1. — С.629-647.
25. Лотман, Ю.М. Заметки о художественном пространстве // Учен. зап. Тарт. ун-та. — 1986. Вып. 720. — Труды по знаковым системам. — С.25-43.

26. Макаров, А. Во глубине России... (О В.П. Астафьеве) // Макаров А. Литературно-критические работы: В 2 т. — М., 1982.
27. Митрофанова, Л. М. «Урал», «Зауралье», «Россия» и «Сибирь»: перекресток понятий в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. М. Митрофанова // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов / Ин-т истории и археологии УрОРАН. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. — 2008. — 496 с. С.134.
28. Нагаева (Смирнова), А.И. Человек и природа в творчестве В.Астафьева // О традициях и новаторстве в литературе. Уфа, 1980. — С.34-40.
29. Плеханова, И.И. Категорический императив на сибирской почве / И.И. Плеханова // Сибирь: Взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Научные доклады. / Научный ред. И.И.Плеханова. Иркутск, 2004 — С.314-323.
30. Размахнина, В.К. Астафьев и Сибирь // Первые Астафьевские чтения в г. Красноярске: Материалы Всероссийской конференции 28-29 апреля 2004 г. / Отв. ред. Л.Г. Самоотик. — Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. — 524 с.
31. Садырина, Т.Н. Сибирь как репрессивное пространство в творчестве В.П. Астафьева / Т.Н. Садырина
32. Сибирь: Взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Научные доклады / Научн. ред. И.И. Плеханова. Иркутск, 2004. 328 с.
33. Смирнова, Л.А. Постижение духовной природы человека (В.Белов, В.Астафьев, Б.Можаев) / Литература в школе. 1995. — №4. — С.35-40.
34. Солженицын, А.И. «Прокляты и убиты» / А.И. Солженицын // Русская историческая библиотека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rushist.com/>, свободный. — 12.05.2021

35. Старикова, Е. Социологический аспект современной «деревенской прозы» // Вопросы литературы. 1972. — №7. — С. 11-36.
36. Субботкин, Д.А. Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В.П.Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур. Дисс. канд. филол. наук. 10.01.01. / Д.А. Субботкин Красноярск, 2007. — 201с.
37. Субботкин, Д.А. Пафос и ирония в произведениях В.П.Астафьева» / Д.А. Субботкин // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной жизни конца XX века. Сборник материалов / Д.А. Субботкин. Красноярск, Изд-во Красс. ГУ, 2005. — С. 88-91.
38. Субботкин, Д.А. Чужой мир в «Царь-рыбе» В.П.Астафьева / Д.А. Субботкин // Материалы научной конференции «Дни науки», посвященной 25-летию факультета филологии и журналистики / Отв. ред. А.И. Разувало-ва. Красноярск: Изд-во СФУ, 2007. — С. 187 -200.
39. Тарланов, Е.З. Глагольная метафора в повести В. Астафьева «Последний поклон» / Е.З. Тарланов // GenLing.ru: Общее языкознание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://genling.ru/>, свободный. — 12.05.2021
40. Тулаева, Л.В. Виктор Астафьев: не оборванная связь / Л.В. Тулаева // Science Time. — 2015. — С. 534-539.
41. Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. — Барнаул, Кемерово, Новосибирск, Томск. — 2002. — Вып.1. — С. 27–35.
42. Цветова, Н.С. В.П. Астафьев: попытка исповеди / Н.С. Цветова. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2008. — Вып. 3. Ч. II. — С. 134-141.
43. Шумкина, Е.Н. Сибирь как «колония» и Сибирь как «дом»: к проблеме мотивной структуры «сибирского текста» в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева / Е.Н. Шумкина // DocPlayer [Электронный

ресурс]. — Режим доступа: <https://docplayer.ru/>, свободный. — 12.05.2021

44. Щеглова, Е. Так о чем же нам рассказывала «деревенская проза»? Размышления о национальной и нравственной природе художественного явления // Нева. 1991. — №10. — С.171-184.
45. Яковенко, И. Русское пространство / И. Яковенко // Россия: воображение пространства/ пространство воображения (Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Специальный выпуск) / Отв. ред. И. И. Митин; Сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. — М.: Аграф. — 2009. — 464 с.
46. Янушкевич, А.С. Дихотомия сибирского текста / А.С. Янушкевич // Издательство Томского университета. — 2007. — С. 334-345.